

И.Г. Дубровская

Мечик

Мечик Павел — партизан в отряде Левинсона, «сухощавый парнишка» с «бледным, безусым, чистеньким лицом». Мечик кончил гимназию, несколько его товарищей стали социалистами-максималистами, и он тоже попал к максималистам («да мне ведь все равно...»). Об этом времени он рассказывал потом Левинсону: «...когда я работал в городе, мне не раз приходилось перевозить секретные пакеты».

Мечик пришел в отряд Шалдыбы с путевкой в сапоге и револьвером в кармане. Он бодро насвистывал веселенький мотивчик, смутно представляя, что его ожидает здесь. В каждой его жилке играла шумная кровь, хотелось борьбы и движения. «Люди в сопках», знакомые по газетам, виделись ему «в одежде из порохового дыма и героических подвигов». Голова Мечика пухла от любопытства и дерзкого воображения.

Первый же встретивший Мечика партизан, с трудом разобрав написанное в путевке, налившись кровью, схватил его за отвороты пиджака и «закричал настуженным, визгливым голосом». Через несколько минут Мечик, избитый и обезоруженный, всхлипывая и заикаясь, объяснялся с командиром Шалдыбой. Матрос был разочарован: зря били! Так Мечик стал членом партизанского отряда.

Окружающие люди нисколько не походили на созданных пылким воображением Мечика. Эти были грязнее, вшивей, жестче и непосредственней. Они крали друг у друга патроны, ругались матом из-за каждого пустяка, дрались в кровь из-за куска сала. Они издевались над Мечиком по всякому поводу — над его городским пиджаком, над правильной речью, над тем, что не умеет чистить винтовку, даже над тем, что съедает меньше фунта хлеба за обедом. Это были не книжные, а живые люди.

На Свягинском боевом участке Мечика спасает от вражеской погони ординарец Левинсона Морозка. Мечик, раненый казаками, «несколько раз пытался подняться, ползти, протягивал руки, кричал что-то неслышное». Морозке спасенный не понравился: «желторотый», «сопливый», «размяк», «стонал».

В жизненной практике ординарца такими «чистенькими» были только непостоянные, никчемные люди, которым нельзя верить. Раненому Мечику сделали перевязку, в боковом кармане нашли немного денег, документы, сверток с письмами и женской фотографической карточкой. Два десятка угрюмых, небритых, черных от загара людей по очереди исследовали нежное девичье лицо в светлых кудряшках, потом карточка смущенно вернулась на свое место. Раненый лежал без памяти, безжизненно вытянув руки по одеялу.

Левинсон приказал отправить Мечика в лазарет. Каждое утро раненого выносили из душевного барака. Лежа на тихой таежной проталине, он вновь переживал впечатления последних трех недель. Ему жаль было хорошего, наивного, но искреннего чувства, с которым он шел в отряд.

С болезненной чуткостью он воспринимал теперь заботу и любовь окружающих, дремотную таежную тишину. К Мечику подходил светлородый тихий старичок Пика, разговаривал напевным, как у деревенского дьячка, голосом. Мечик любил слушать Пика, ему нравился певучий говор, «медленный, идущий изнутри жест». Пика напоминал старую, забытую всеми картину: «в невозмутимой тишине, у древнего, поросшего мхом скита, сидит над озером, на изумрудном берегу, светлый и тихий старичок в скуфейке и удит рыбу. Тихое небо над старичком; тихие, в жаркой истоме, ели; тихое, заросшее камышами озеро. Мир, сон, тишина... Не об этом ли сне тоскует у Мечика душа?».

Увидев в лазарете «милосердную сестру» Варю, Мечик был охвачен «чувством какой-то бесцельной, но всеобъемлющей, почти безграничной доброты и нежности».

Во время перевязки, когда в засохшие раны совали шершавую марлю, он не кричал, ощущая прикосновение ласковых женских рук.

Варя относится к М. нежно и заботливо. Пика назвал ее блудливой, и это слово пробуждает в Мечике острое любопытство. Когда Варя садилась к нему на кровать, Мечик уже не мог лежать спокойно, хотя никогда не сознался бы в этом девушке в светлых кудряшках. Мечик показывает Вале дорогой ему портрет, но разговор прерывается неожиданным появлением мужа Вари — Морозки. Варя роняет карточку, забыв про нее, наступает на фотографию ногой.

Мечик лежал «как пришибленный, не находя слов от стыда и обиды». Стиснув зубы от боли в ногах, он сам достал вмятый в землю портрет и изорвал его в мелкие клочки. Проезжая мимо Мечика, Морозка размышляет, зачем «только идут такие до нас?» «Придет эдакий шпендрик — размякнет, нагадит, а нам расхлебывай... И что в нем дура моя нашла!».

Мечик поправлялся, он был уже без повязки на голове, волосы отросли, вились густыми желтоватыми кольцами, шрам у виска делал лицо серьезней и старше. Он понимал, что из госпиталя пора уходить, но мысль эта горчила, как отраву. Идти ему было некуда. Варя предлагала наезжать к ней почаще. В ее ласке было что-то материнское, но Мечик спросил, как же Морозка. Варя напоминает о той, на карточке. Мечик отвечает: «Ну... Я уже и думать забыл... Порвал я карточку...».

Варя успокаивает Мечика, что в конном отряде Левинсона лучше, чем у Шалдыбы, где одни деревенские. Она рекомендует не бояться партизан, «самому зубы показывать». Варя сомневается: «...Только не сможешь ты... Может, я и люблю тебя за это...».

Мысленно он гладил Варины волосы и слушал ее хорошие слова, испытывая к ней почти сыновнюю благодарность.

Мечик понял, что причиной охлаждения между Морозкой и Варей является он. Неловкая радость и чувство беспричинной виновности шевельнулись в нем. Радость быстро улетучилась, он смотрел на Морозку «малодушными, уходящими внутрь глазами» и боялся встретиться с истребляющим взглядом, чуждым, тяжелым, мутным от ненависти. Мечик знал, что Морозка помнит, как он жадными руками цеплялся за него на ячменном поле, как в обезумевших глазах Мечика бился комнатный страх за свою маленькую жизнь.

До последнего дня пребывания в госпитале между Мечиком и Варей происходила странная «игра»: каждый знал, чего хочет одна и боится другой. Ни один не решается сделать смелый ход. В жизни Вари мужчин было много, но «желанным, любимым» она назвала только Мечика. Ей казалось, что он (красивый, скромный, нежный) способен удовлетворить ее тоску материнства. В тревожной немоте она зовет его по ночам, днем старается увести от людей, подарить свою позднюю любовь. Мечик никак не мог преодолеть робость, жаловался на нездоровье, таскал за собой Пику.

Перед Морозкой он испытывал смесь страха и сознание своего неоплатного долга.

Идя в отряд Левинсона, Мечик избавляется от грустных размышлений, чувствует себя настоящим партизаном. Уже не было тоскливой и одинокой грусти, в мечтах он видел себя совсем другим. Он вернется в город, и никто не узнает его. Мечик решает «переломиться», поставить себя в отряде на равную ногу, спуску никому не давать. Он даже подвертывает рукава, чтобы загореть. Это казалось ему необходимым в новой жизни, которую он начал.

Левинсон дает Мечику безобидную, слезливую, покорную крестьянскую лошадку Зючиху. Мечик сразу же проникается к ней «бессильной ненавистью». Он чувствовал себя так, словно эту кобылку с продавленной спиной ему дали нарочно, чтобы унижить с самого начала. В последнее время всякий свой поступок он рассматривал «под углом той новой жизни, которую он должен начать».

Теперь, с Зючихой, не может быть и речи о новой жизни. Никто не будет видеть, что он уже совсем другой — уверенный в себе человек, а будет думать, что он «прежний смешной Мечик, которому нельзя доверять даже хорошей лошади». Погруженный в свои

грустные думы, он совсем не слушает объяснения Кубрака, как ухаживать за Зючихой. Теперь он совершенно не знал, как распорядиться нехитрой лошадиной жизнью. Безропотная кобыла бродила по всем конюшням, тычась в чужое сено, раздражая лошадей и дневальных. Мечик решает не ухаживать за ней. Пускай подышает.

Зючиха обросла паршой, ходила голодная, изредка пользуясь чужой жалостью. Мечик снискал в отряде всеобщую нелюбовь как «лодырь и задавала». После ссоры с отделенным из-за нечищенной винтовки он лежит под навесом, тупо уставившись в потолок. К нему подходит партизан Чиж со словами утешения: «...интеллигентных людей тут мало». Он научил Мечика отвливать от дневальства, от кухни — все это уже потеряло прелесть новизны, стало нудной обязанностью. Из взвода только Пика и Чиж становятся более или менее близки ему.

В таком отчуждении «тонут» все мечты Мечика о новой, смелой жизни. Он научился огрызаться, не бояться людей, загорел, опустился в одежде, внешне сравнялся со всеми. С этих пор кипучая жизнь партизанского отряда пошла мимо.

По совету Левинсона Бакланов берет Мечика в разведку: проверить, что за парень, может зря про него говорят нехорошее. Увидев неухоженную Зючиху, Бакланов подумал, что Кубрак не объяснил, как с ней обращаться. Он никогда бы не подумал, что у человека, умеющего обращаться с лошастью, хватит совести довести ее до такого состояния. Бакланов переседлывает Зючиху.

Он подходит к Мечику без всякой предвзятости, разговаривает как с равным. Мечику теперь кажется, что Бакланов смелый и сильный человек, которому безропотно надо подчиняться. Но душевного разговора у них не получается.

В селе Монакино они неожиданно сталкиваются с японскими солдатами. Двоих убил Бакланов, третий бросился бежать. Четвертого застрелил Мечик, «повинуясь новой силе, которая управляла им больше, чем страх». Последние пули Мечика попали в японца, когда тот уже лежал, корчась в пыли. Спасаясь от преследования, Мечик припал на дно телеги, «подвернув голову, весь желтый и бледный, в темных пятнах, как хлебный колос, сгнивший на корню». Он чувствовал «дикую радость избавления».

Отъехав версты две, Бакланов остановил лошадь. Надо было точно узнать, главные ли силы японцев в селе. Мечику страшно было оставаться вблизи неприятеля. Он прерывающимся голосом уговаривает Бакланова: «...Поедем скорей. Надо сообщить... Ясно, что тут главные...». Он заставлял себя верить в то, что говорит.

Бакланов решает «разнюхать точно», со своего наблюдательного пункта видит вражескую пехоту, которая выходила из села густыми колоннами, пыльно отсвечивая оружием. В стремительном гоне до хутора партизаны чуть не загнали лошадь.

В тяжелом сне Мечик видит умирающего Фролова, убитого японца, Варю. Проснувшись в тревоге, он старается увидеть неприятеля, стреляет наугад. Услышав первый в своей жизни орудийный выстрел, Мечик съеживается. Теперь он уже видит японцев, ему кажется, что от них невозможно убежать, даже если и захочешь.

Мечик мчитя вперед, вместе со всеми, пытаясь понять, кто же распоряжается его судьбой. Левинсон, который был впереди, выглядел таким маленьким и так потешно размахивал огромным маузером, что трудно было поверить, что именно он является главной направляющей силой. То, что Мечик чувствовал, было не страхом, а мучительным ожиданием конца всего этого.... Окончательно он приходит в себя только на глухой таежной тропинке, где было темно и тихо.

Осматривая лошадей, Левинсон наткнулся на Зючиху. Он приказывает Мечику ездить с выючными лошадьми, пока не вылечит кобылу. Левинсон старается не повышать голоса, но это удается ему с трудом. Дрожа от унижения, Мечик бормочет слова оправдания. Это чувство он испытывал не от того, что скверно ухаживал за лошастью, а от того, что, «как-то нелепо и униженно держал в руках тяжелое седло». Не слушая клятвы Мечика в том, что он будет «хорошо с ней обращаться», Левинсон прошел к следующей лошади.

Отряд голодал. Во время тяжелого перехода партизаны питались только виноградом и пареными над огнем грибами. Мечик становится свидетелем конфискации свиньи у корейца, который целовал ноги Левинсона и плакал, предвидя голодную смерть своей семьи. Сердце Мечика сжималось. Он убежал за фанзу и уткнулся носом в солому. Перед ним длинной вереницей проплывали «покорные и словно падающие лица мужиков», у которых отбирали последнее. Он вспоминал заплаканное старческое лицо, маленькую фигурку у ног Левинсона. Неужели без этого нельзя? Это слишком жестоко! Мечик знал, что никогда не поступил бы так с корейцем, но свинью ел со всеми, потому что был голоден.

Стремясь уйти от своих тревожных дум, Мечик уходит в чашу и засыпает. Сквозь дрему он слышит разговор Левинсона и Сташинского о страшной участи Фролова, которому хотят дать яд, потому что рана его смертельна. Мечик в ужасе. Сердце забилось, он побледнел, ничком упал на землю и уткнулся лицом в ладони. Цепляясь за кусты, Мечик идет за Сташинским и Левинсоном. Он успел вовремя, попытался помешать: «...Обождите! Я все слышал!..» Руки врача задрожали, он шагнул к нему и сказал «зловещим, придушенным шепотом»: «Вон!.. убью!..» Мечик взвизгнул и, не помня себя, выскочил из барака.

Спотыкаясь о валежник и падая, Мечик бежит по тайге, не разбирая дороги. Он потерял фуражку, волосы свисали на глаза, противные и липкие, как паутина, в висках стучало. Случайно он наткнулся на Варю и отскочил, дико блеснув глазами.

Мечик грубо оттолкнул Варю, которая поняла, что он слишком возбужден, чтобы следить за своими поступками, а расстроившее его событие важнее всех ее личных обид. Нечаянная грубость Мечика оскорбила и напугала ее. Впервые Варя поняла, что Мечик, может быть, совсем не тот, кого она ждала долгие дни и ночи.

Варя предпочла Мечика Морозке, считая, что в нем не только внешняя красота, но и подлинная душевная красота. Морозка привык к тому, что люди, подобные Мечику, свои простые и подлинные чувства прикрывают большими и красивыми словами. Этим они отделяют себя от тех, кто не умеет свои чувства вырядить достаточно красиво. Морозка всегда чувствовал между собой и этими людьми непроходимую стену из «натасченных ими неизвестно откуда фальшивых крашенных слов и поступков».

В столкновении с Морозкой Мечик старался показать, что он уступает ему из благодарности за спасение своей жизни. Мысль, что он подавляет в себе низменные побуждения ради человека, который даже не стоит этого, наполняла Мечика «приятной и терпеливой грустью». В глубине души он досадовал на себя и на Морозку, желал Морозке всяческого зла. Сам причинить зло кому-либо Мечик не мог из трусости и оттого, что испытывать терпеливую грусть ему было много красивей и приятней. Морозка же смутно чувствовал, что из-за этой «красивости» Варя и предпочла Мечика.

Мечика назначают караульным в третью смену, в полночь. Прошло не более получаса, как отшуршали в траве шаги разводящего, но Мечику кажется, что он стоит уже очень давно. Он был наедине со своими тревожными мыслями в этом большом и враждебном мире. Мысль, в сущности, всего одна, он возвращался к ней, о чем бы ни думал. Мечик знал, что она плоха, постыдна, но понимал, что уже не расстанется с ней. Мысль эта сводилась к тому, чтобы тем или иным путем ему следует уйти из отряда.

Прежняя жизнь в городе, казавшаяся раньше безрадостной и скучной, теперь выглядела в мечтах Мечика счастливой и беззаботной. Он стремился в город. Командир отряда, проверяющий посты, застаёт Мечика в тот момент, когда это желание овладевает всем его существом. Неестественным голосом, стараясь делать вид, будто нет ничего особенного в его словах, Мечик предлагает Левинсону послать его в город «с донесением», уверяя, что тот может на него положиться.

Почувствовав, что Левинсон может догадаться о его мечте, Мечик решает открыться. Голос его задрожал: «...я никуда не годный и никому не нужный партизан, и будет лучше, если вы меня отправите...» Ему страстно хотелось исповедаться о своей жизни в отряде, о партизанах, и было уже безразлично, как к этому отнесется Левинсон.

«...Каждый смотрит только за тем, чтобы набить себе брюхо, хотя бы для этого украсть у своего товарища, и никому нет дела до всего остального...» Если бы эти люди попали к Колчаку, считает Мечик, они так же служили бы и ему. Самым важным в его словах было то, что ему плохо здесь живется, что все его несправедливо обижают, и что он хорошо делает, говоря об этом откровенно.

Когда Левинсон пытался что-то возразить, Мечик слушает его с «вялой тоской». Левинсон, взволнованный этим разговором, делает для себя вывод: «...как же на самом деле безрадостно, что в стране плодятся еще такие люди — никчемные и нищие». Левинсон мысленно определяет суть Мечика: «слаб, ленив», «безволен», «непроходимый путаник», «никчемный пустоцвет». Командир отряда ловит себя на мысли, что после разговора с Мечиком ему особенно приятно смотреть на Бакланова.

В бою Мечик, вовлеченный в общий поток атаки, был в центре лавины. Всадники, скакавшие рядом, вдруг свернули влево. Мечик, не сообразив, в чем дело, мчит в прежнем направлении. Он влетел в рощу и чуть не разбился о стволы, расцарапал себе лицо. Он был один, но ему казалось, что роща кишит казаками. И на Мечика наваливаются недобрые предчувствия, он боится подозрительных взглядов партизан, их вопросов, куда же он делся, когда они бились.

В селе Мечик находит своих. Услышав отдаленный залп, он вздрагивает, роняет ложку, бледнеет. Его одолевают грустные мысли: когда же это кончится, я не живу, я не увижу больше милой девочки со светлыми кудрями, меня убьют, как я несчастен... Мечика посылают в дозор. Левинсон почувствовал, что этого делать не надо, но не смог себя заставить исправить это. Мечик плохо понимал, зачем его послали вперед. Ему велели ехать рысью, он подчинился, дремля в седле.

Вдруг его лошадь испуганно фыркнула и шарахнулась в кусты. Сонное состояние мгновенно покинуло Мечика, сменившись чувством животного ужаса. На дороге в нескольких шагах от него стояли казаки. Один из них свистящим шепотом приказал слезать, другой взял Нивку под уздцы. Мечик тихо вскрикнул, соскользнув с седла. Сделав несколько унижительных телодвижений, он стремительно покатился куда-то под откос, побежал по оврагу, не чувствуя своего тела и делая невероятные прыжки.

Он не оглядывался, не слышал погони. Когда прозвучали три сигнальных выстрела Морозки и за ними залп, ему показалось, что стреляют в него, и он припустил еще быстрее. В это время грянул новый залп, за ним еще и еще. Весь лес заговорил и ожил, там гибли доверившиеся Мечичу люди. От каждого нового оглушительного залпа он вздрагивал и нарочно жалко кривил свое исцарапанное ветками лицо, как это делают дети, чтобы вызвать слезы. Глаза его были «отвратительно, постыдно сухи». Мечик бежал, напрягая последние силы.

Стрельба стала затихать. Погони не было. Мечик свалился под кустом, свернувшись калачиком, лежал без движения. Вдруг он быстро сел, громко застонав. Полосатый бурундучок, смотревший на него наивными желтоватыми глазками, испуганно пискнув, прыгнул в траву.

Мечик крепко вцепился в волосы исступленными пальцами и с жалобным воем покатился по земле. Теперь он с каждым мгновением все яснее, убийственней и жалобней представлял себе истинное значение своего бегства, первых трех выстрелов и всей последующей стрельбы: как мог он это сделать, такой хороший, честный, никому не желавший зла. Несмываемо грязное пятно этого проступка противоречило всему хорошему и чистому, что он находил в себе.

Мечик машинально вытащил револьвер и долго с ужасом глядел на него. Потом «с вороватым паскудством» он спрятал оружие в карман. Больше всего на свете он любил самого себя, свою белую и грязную немощную руку, свой стонущий голос, свои страдания, даже самые отвратительные свои поступки. Он не мог убить себя.

Мечик уже не стонал и не плакал, тихо лежа на животе. Все страдания последних месяцев после ухода из города проходили перед ним усталой и грустной чередой:

его наивные мечтания, Морозка, ранение, госпиталь, Пика, умирающий Фролов, Варя, этот страшный переход через трясины. Ему стало жалко себя.

Мечик все еще осуждал себя и каялся, но вдруг с радостью и надеждой понял, что теперь совсем свободен. Он может идти в город, где нет этой ужасной жизни, и никто не знает о его проступке. Мечик думал о своем возвращении в город, стараясь придать ему оттенок грустной необходимости. Он подавлял в себе чувство радости, стыда и страха за то, что это может не осуществиться.

Мечик забросил револьвер далеко в кусты, сел около родничка, умылся. Тихо-тихо журчала вода, а Мечик тоскливо размышлял, не решаясь выйти на дорогу: вдруг там белые.

«А не все ли равно?» – вдруг подумал Мечик с прямой и трезвостью. Он глубоко вздохнул, застегнул рубашку и медленно побрел в том направлении, где остался тракт.